

УДК: 72.035

ББК: 85.11

А43

DOI: 10.18688/aa200–2–26

Ю. Г. Клименко

Образ регулярной площади в архитектуре московского классицизма: между проектом и реальностью¹

Необходимо, чтобы в городах... было разбито больше площадей, на которых собираются жители... Такие свободные пространства, оставленные в городе незастроенными... придают городу большое украшение

*Андреа Палладио*²

Изучение русского градостроительного искусства эпохи классицизма, заложившего основы нового типа регулирования городского пространства, сохраняет особую значимость в наши дни не только для историко-архитектурной науки, но и в контексте современной практики реконструкции и проектирования городов. Проблема выбора типа городской планировки остаётся актуальной и обуславливает необходимость обращения к мировому опыту, накопленному и изученному по этой теме. В рамках данной статьи выбран один из наиболее показательных элементов города — площадь, на примере изменения которой сделана попытка рассмотреть эволюцию классицистического мышления в области организации регулярного пространства Москвы. На основании вновь выявленных автором исторических документов пересмотрен традиционный взгляд на классификацию площадей в московском градостроительстве. Вместе с привлечением к исследованию значительного опыта отечественной³ и мировой научной литературы поставлена задача проследить процесс формирования в Москве особого архитектурного языка, который аккумулировал местные культурные традиции и заимствованные образцы, апробированные в западноевропейском градостроительстве.

Герменевтический анализ такой инфильтрации отражает степень готовности московской школы XVIII в. к восприятию не только нового образа жизни обывателей,

¹ Исследование выполнено за счет средств Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.2.21.

² Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио, в коих... трактуется о частных домах, мостах, площадях... / В пер. И. В. Жолтовского. — М.: ВАА, 1938. — Кн. 3. — С. 33.

³ Среди авторов, изучающих эту тему в XX в., необходимо указать труды А. В. Бунина, Т. Ф. Саваренской [1], П. В. Сытина [8], В. А. Шкварикова, М. В. Будылиной, Н. Ф. Гуляницкого, М. Б. Михайловой, В. А. Лаврова Ю. Н. Герасимова, Д. О. Швидковского [9; 15], М. В. Нащокиной и др.

но и новой системы планировочного мышления на всех стадиях её согласования. Таким образом, означенный подход позволяет учитывать мнение государственной власти, теоретический, доктринальный и культурный контексты, уровень грамотности зодчих, используемый инструментарий и экономический потенциал общества. На фоне характеристики достижений западноевропейских теоретиков и практиков тщательный анализ совокупности исторических документов, а также графических проектных материалов, как реализованных, так и неосуществлённых,

позволяет сформировать новый взгляд на изучаемую проблему, подкрепляя выводы самой широкой аргументацией и вводя в научный дискурс выявленные документы.

В средневековой планировке Москвы при наличии значительного количества пространств, образуемых пересечением улиц, «проезжих переулков» и многочисленных тупиков вплоть до конца XVIII столетия не существовало регулярных площадей. Живописный характер топографии местности и отсутствие плотности каменной застройки с пустырями не соответствовали европейским представлениям об атрибутах города. В Москве «нет никаких общественных удобств и пространства, которое можно было бы назвать площадью»⁴, — писал в 1774 г. Ф.-О. Тесби де Белькур. Объективность его оценки подтверждается аналогичными отзывами о древней российской столице, известными по письмам, дневникам или воспоминаниям французских дипломатов и путешественников этого времени.

Обсуждению способов благоустройства городского пространства были посвящены многие западноевропейские трактаты века Просвещения [6, с. 137–139]. Необходимость регулирования застройки объяснялась не только эстетическими критериями, но и стремительно возрастающими требованиями к инженерным и санитарным нормам, что особенно очевидно в парижской агломерации [11]. Ответственность за их соблюдение, возложенная на столичную администрацию и полицию, привела к публикации Н. Деламаром фундаментального четырёхтомного «Трактата о городе»

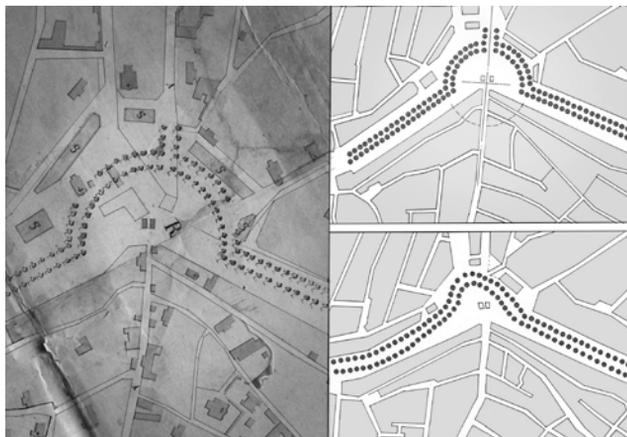

Рис. 1. Фрагмент «проецированного» плана Москвы 1775 г. Проект площади вокруг Никитских ворот. РГИА, Санкт-Петербург. Справа сверху — прорись с плана 1775 г., справа внизу — прорись с плана 1782 г. (копия плана 1775 г.), РГАДА, Москва. Аналитические схемы автора со сравнением оригинала и копии проектного плана Москвы показывают степень искажения первоначальных градостроительных замыслов

⁴ *Thesby de Belcour Fr.-Aug.* Relation ou Journal d'un officier François au service de la confederation de Pologne, pris par les Russes, et relégué en Sibérie. — Amsterdam: aux dépens de la Compagnie, 1776. — P. 214.

(1705–1738). На фоне формулировок конкретных регламентаций здесь особо указывалось: «Нельзя назвать город красивым, если его мосты, порты и набережные не просторны, не удобны и не содержатся в полном порядке, если <...> площади и фонтаны не распланированы регулярно для удобства жителей»⁵. О классификации городских площадей рассуждал О.-Ш. д'Авиле (1653–1701) в «Архитектурном курсе» и «Словаре гражданской архитектуры». Уточняя архитектурную терминологию, автор указывал: «Общественная площадь (*Place publique*) это значительное открытое пространство, окружённое зданиями и служащее для великолепия города»⁶. В качестве пояснений архитектор приводил

примеры Вандомской площади и площади Побед в Париже, а также восхищался площадями в Турине и Риме. Развивая идеи Виньолы и Палладио, автор объяснял необходимость зависимости размеров и пропорций площади от её назначения и количества жителей в городе. Говоря о регулярной форме, О.-Ш. д'Авиле описывал прямоугольные в плане греческие площади, обрамлённые двойными колоннадами под архитравами из камня или мрамора и верхними галереями⁷. В своём словаре архитектор также приводит синонимичный термин *Carrefour* латинского происхождения для обозначения регулярного перекрёстка двух и более городских улиц, который также активно применялся в садово-парковом искусстве⁸. Краткую версию этого толкования предлагал Этимологический словарь архитектурных терминов⁹.

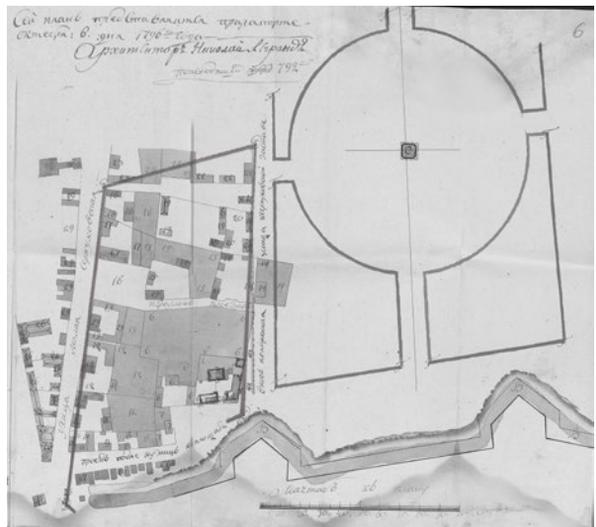

Рис. 2. План московских домовладений с обозначением проекта Конной площади. Архитектор Н. Легран. 1796 г. «А — Серпуховские триумфальные ворота и при них площадь <...> В — Земляной вал <...> С — Конная площадь, F — <...> положенные кварталы для построения обывательских дворов». ЦГА Москвы

⁵ Delamare N., *Le Cler du Brillet A. Traité de la Police*. — Paris: chez J.-F. Hérisant. 1738. — Т. 4.

⁶ D'Aviler A.-Ch. *Dictionnaire d'architecture civile et hydraulique et des arts qui en dépendent*. — Paris: Charles-Antoine Jombert, 1755. — P. 289.

⁷ Графический анализ сравнения общественных древних площадей Греции (по Витрувию) и Рима (по Палладио) предлагает архитектурный трактат Ж.-Н.-Л. Дюрана (1760–1834), где на эстампе № 13 французский инженер-архитектор отображает в едином масштабе все генпланы на фоне чертежей парижских ансамблей. — *Durand J.-N.-L. Recueil et parallèle des édifices de tout genre anciens et modernes...* — Paris: chez l'auteur, 1800. — Pl. 13.

⁸ D'Aviler A.-Ch. *Dictionnaire...* 1755. — P. 82–83.

⁹ «Площадь — общественное пространство, окружённое зданиями, служит для украшения города и удобства торговли» — *Dictionnaire etymologique des termes d'architecture ... par Gastelier D.-F.* — Paris: Chez Duchesne, 1753. — P. 195.

Более развёрнутая трактовка этих определений была предложена в «Энциклопедии, или Толковом словаре наук, искусств и ремёсел» Дидро, д'Аламбера, Руссо и других мыслителей века Просвещения¹⁰. На фоне жарких дискуссий о благоустройстве Парижа и других французских городов в эти годы формировалась профессиональная лексика, предвосхитившая появление в XX в. термина «градостроительство» [12] и связанных с ним научных дисциплин. Участие в полемике принимали не только парижские архитекторы теоретики, но и видные интеллектуалы эпохи. В этом контексте особенно любопытны рассуждения Вольтера о благоустройстве Парижа¹¹, изданные им в 1749 г. и дополняющие программные работы П. Патта¹².

Определённый итог дискуссий по вопросам архитектуры и градостроительства века Просвещения подвёл парижский архитектор практик и теоретик Ж.-Г. Легран (1753–1807). Французский зодчий посвятил устройству площадей главу в своём «Очерке по всеобщей истории архитектуры»¹³, изданном в 1809 г. Обращаясь к опыту прошлого, он формулировал отличия площади древнегреческой и древнеримской согласно трактовкам Витрувия. В подробном описании устройства лучших площадей и форумов Рима он особое внимание уделял системе соподчинения и украшения этих ансамблей, их местоположению в структуре города и историческому предназначению. Через анализ архитектурного языка древних мастеров, в арсенале которых превалировали грамотное соотношение размеров, этажности, ордера в оформлении двойными колоннадами периметра и другие элементы, Ж.-Г. Легран пытался переоценить градостроительные результаты собственной французской школы¹⁴.

В контексте изучения мирового наследия архитектор представлял достижения своих соотечественников. В одном из своих трудов, изданных посмертно, — «Описание Парижа и его сооружений» — Ж.-Г. Легран третью часть посвящал искусству организации площадей во французской столице. По мнению архитектора, особую красоту города создают не храмы и дворцы, а именно общественные площади. «Большие пространства облегчают циркуляцию воздуха и обеспечивают его обитателей большей свободой и безопасностью <...> В Париже около тридцати площадей, без учёта

¹⁰ *Diderot D., d'Alembert...* Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des science, des arts et des métiers. — Neuchâtel, 1751–1765. — Т. 12. — P. 671–672.

¹¹ *Voltaire.* Des embellissements de Paris. 1749 // Oeuvres complètes de Voltaire, avec des Notes... — Paris, 1835. — Т. V. — P. 390–393.

¹² *Patte P.* Monumens érigés en France à la gloire de Louis XV, précédés d'un tableau du progrès des arts et des sciences sous ce règne, ainsi que d'une description des honneurs et des monumens de gloire accordés aux grands hommes... et suivis d'un choix des projets qui ont été proposés pour placer la statue du roi dans les différents quartiers de Paris. — Paris: Chez l'Auteur, 1765.

¹³ *Legrand J.-G.* Essai sur l'histoire générale de l'architecture, pour servir de texte explicatif au Recueil et parallèle des édifices de tout genre, anciens et modernes, remarquables par leur beauté, par leur grandeur ou par leur singularité par J. N. L. Durand. — Paris: Meline, Cans et Cie, impr. de Gillé fils. 1809, 1842. — P. 84–95.

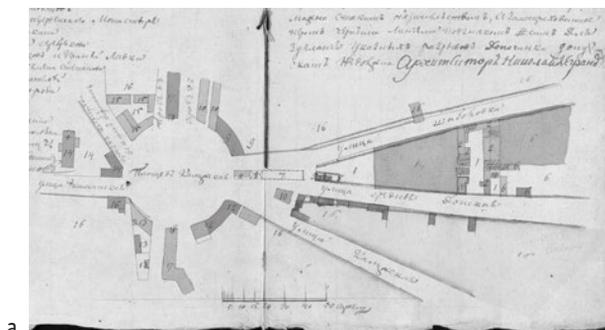
¹⁴ Употребляя термин «Площадь» с заглавной буквы, Ж.-Г. Легран писал о её роли в историко-архитектурном наследии Рима: «Перечень различных Площадей, которые таят в себе такой источник бесконечной красоты и благородства, что не будет преувеличением утверждать, что можно извлечь из изучения композиций отреставрированных и воссозданных Площадей идеи о правильном их расположении, габаритах, богатстве окружающей территории, в союзе с которыми достигаются внушительные результаты архитектурного великолепия» — *Legrand J.-G.* Essai sur l'histoire générale... — 1809. — P. 89–90.

Рис. 3. Регулирование территории около Калужской площади в Москве.

а) Фиксационный план 1797 г.

Архитектор Н. Легран. ЦГА Москвы.

б) Графическая реконструкция застройки московской площади по чертежам Управы благочиния. Выполнил П. С. Клименко

торговых территорий, и каждый день мы понимаем, что этого числа недостаточно»¹⁵. Среди наиболее достойных и значимых он упоминал площади, устроенные на столичных бульварах с триумфальными арками Сен-Дени и Сен-Мартен, вокруг арки Каррузель и другие. Подробное описание истории создания четырёх ансамблей с приложением гравюр генпланов и фасадов архитектор выполнил для площади Побед (*place des Victoires*), Вандомской площади (*place Vendôme*), Королевской площади, или площади Вогезов (*place des Vosges*), завершая этот специальный раздел изучением площади Согласия (*place de la Concorde*).

Примечательна последовательность представления перечисленных объектов, которая не связана ни с алфавитным или географическим порядком, ни с хронологией их создания. В эпоху ампира французский архитектор отдаёт предпочтение регулярности, геометрии и величине городских пространств. В соответствии с учением А. Палладио о лучших конфигурациях площадей определено, что «самые красивые формы <...> суть круглые и четырёхугольные, и поэтому Витрувий говорит только об этих двух...»¹⁶. Соглашаясь с выводом, Ж.-Г. Легран на первое место ставит круглую в плане площадь Побед диаметром 40 туазов, которая образована частными владениями. Единая архитектура фасадов партикулярных отелей включает аркаду нижнего яруса

¹⁵ *Legrand J.-G., Landon C.-P. Description de Paris et de ses édifices avec un précis historique et des observations sur le caractère de leur architecture, et sur les principaux objets d'art et de curiosité qu'ils renferment... Т. 2. — Paris: Landon C.-P., 1809. — P. 7–8.*

¹⁶ Четыре книги об архитектуре Андреа Палладио... Кн. 4. С. 7.

и пилястры ионического ордера, объединяющие два верхних этажа. Этот проект обрамления площади был реализован королевским архитектором Ж. А. Мансаром в 1685–1691 гг. Её вертикальной осью, усиливающей центричный характер площади, служил конный монумент Людовику XIV [13; 14]. Безусловно, этот парижский опыт оказал сильное влияние на градостроительные программы Нового времени [2; 15].

Исполненная тем же архитектором Вандомская площадь в плане представляет квадрат со скошенными углами. В процессе реализации сверхдорогой проект потребовал внесения изменений в геометрию пространства. Цельность этому ансамблю придаёт не только регулярная форма его планировки, но и идентичность фасадов зданий по периметру. В центре площади была установлен памятник Людовику XIV,

разрушенный в ходе Французской революции. Особое восхищение Ж.-Г. Леграна вызывает «квадрат Ренессанса», положенный в основу Королевской площади, переименованной в площадь Вогезов. Гордость за созданную в Париже «великую простоту и регулярность идеального квадрата со стороной в 72 туаза»¹⁷ он объясняет, расшифровывая читателям спустя столетия систему приоритетов у поколения архитекторов французского неоклассицизма¹⁸. Завершает раздел описание самой крупной и величественной столичной площади Согласия. В анализе дискуссий, широко развернувшихся в парижском обществе при её создании, проявляются наиболее прогрессивные для своего времени идеи о принципах построения нового типа открытой площади [10].

Эти взгляды позволяют точнее оценить приведённые выше отзывы французов о Москве конца XVIII в. Следует сказать, что Екатерина Великая неоднократно отмечала несовершенство планировки древней столицы на фоне высоких требований к городским нормам в западноевропейской традиции. По восшествии на престол российская императрица уделяла немало внимания радикальным реформам Москвы. Мечтая о градостроительных преобразованиях этого средневекового города, она создала в 1762 г. Комиссию о каменном строении Москвы и Санкт-Петербурга. В 1767 г. В. И. Баженов по императорскому указу начал «Проект кремлёвской перестройки»,

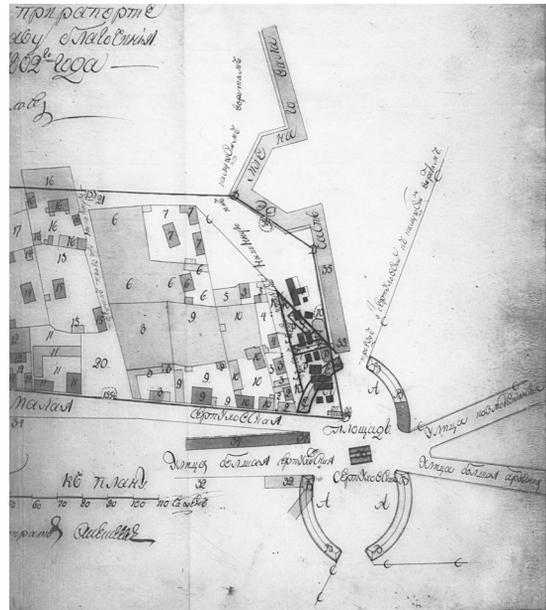

Рис. 4. Фиксационный план Серпуховской площади в Москве. 1802 г. ЦГА Москвы

¹⁷ Legrand J.-G. Essai sur l'histoire générale... P. 20.

¹⁸ Системная зависимость формы площади, курдонёра и дворца приводит к неутешительному выводу о невозможности их автономного существования и, как следствие, к утверждению о том, что отсутствие правильных и красивых городских площадей влечёт за собой отсутствие великолепных домов.

спланировав систему взаимосвязанных парадных площадей. Овальные, круглые, полукруглые, треугольные, ромбические, шестигранные и трапециевидные в плане площади предполагалось устроить рядом с древними сооружениями Кремля. Ясность предлагаемых регулярных форм¹⁹ позволяла подчеркнуть красоту живописной асимметрии исторических памятников. Этот контраст свидетельствует о желании «создания здесь пространства принципиально нового типа, геометризованного, рационального, с крупными, свободными, регулярно спланированными территориями» [9, с. 83]. Проект, претерпевший несколько переработок, остался нереализованным. Созданная деревянная модель этого комплекса стала наглядным пособием для архитектурских учеников Москвы и символом несбыточных замыслов, включая идеи о первых регулярных площадях.

Бездействие Комиссии о каменном строении в отношении Москвы способствовало началу эпидемии чумы 1770–1772 гг., появление которой продемонстрировало опасность невнимания государственных органов к беспорядку в городе. В 1774 г. последовал указ императрицы об учреждении Особого департамента для составления генерального проекта развития Москвы. Выполненный документ был подписан Екатериной 7 июля 1775 г. в подмосковном селе Коломенском, где она находилась по случаю празднования победы в русско-турецкой войне. Этот чертёж стал первым проектным планом Москвы в архитектурной летописи города. Хотя его не успели реализовать в XVIII в., градостроительные идеи генплана существенным образом повлияли на реформы последующих столетий и на современный облик города. Попытаемся проанализировать этот документ и определить причины его непонимания и неприятия местными исполнительными структурами на примере отношения к проектированию новых площадей.

«Конфирмованный» план Москвы 1775 г. не был столь радикальным, как план барона Османа в Париже, из-за необходимости максимально сберечь от сноса все крепкие строения [15]. Желание их сохранить тормозило устройство новых площадей и бульваров. Согласно экспликации к «прожектированному» плану в центре около Кремля предполагались две обширные площади: «С) Красная площадь остаётся как была, Д) По другую сторону оной площадь же» [7, с. 127; 8, с. 499]. В Китай-городе архитекторы наметили прямоугольную в плане площадь на пересечении улицы Ильинки и современного Богоявленского переулка: «К) Площадь для приезде к гостиному двору и лавкам». Вдоль Неглинной, русло которой в проекте спрямлялось: «Р) Против Кремля и Китая по удобности мест прожектируются площади» [8, с. 499]. Графически они намечены разных габаритов и достаточно условно.

Вторая цепь площадей задумывалась в месте городских ворот, то есть на пересечении стен Белого города с главными московскими улицами, веером расходящимися из центра. Ветхость бывших фортификационных конструкций позволяла после их разборки проложить благоустроенные бульвары для прогулок. Путеводитель по Москве сообщал, что стена Белого города «за ветхостию и ненадобностию сломана, местож

¹⁹ Разнообразием силуэтов новых площадей первый проектный вариант В. И. Баженова повторяет конкурсные предложения по оформлению величественной площади Людовика XV в Париже [Патт: Pl. LVII, LV, XL]. С учётом публичной критики прежних замкнутых площадей её новый образ стал открытым городским ансамблем, подобным театральной сцене [11; 14, р. 66–67].

бывшее под оною, по Высочайше подтвержденному плану, положено: не застраивая, сделать площадью, усадив рядами тенистых деревьев»²⁰. Подобный приём, впервые появившийся в московском градостроительстве, был успешно апробирован французскими архитекторами ещё в XVII — начале XVIII в.²¹. Среди перекрёстков Бульварного кольца особо примечательна площадь у Никитских ворот²², которую авторы предложили в форме полукружия. За двойными аллеями деревьев, огибающими регулярное пространство амфитеатра, спроектированы «S» кварталы и корпуса под строение харчевен, торговых и харчевых лавок и под другие публичные строения». Эффективный геометрический приём с завидной регулярностью успешно использовали урбанисты Нового времени. Серия аналогичных площадей полуциркульной формы в зоне бульваров репродуцирована на первом геометрическом и гравированном плане Парижа 1763 г., исполненном в крупном масштабе королевским топографом Л.-Ф. Доармом [11, р. 16; 14, р. 64–65]. Авторы московского генплана 1775 г. лишь единожды обращаются к этой выразительной и функциональной форме транспортного узла. Однако и этот единственный случай остался на бумаге. Причины нереализованности градостроительного замысла связаны с отсутствием квалифицированных специалистов в архитектурных учреждениях Москвы. В частности, при выполнении в 1780-х гг. уменьшенных копий «прожектированного» плана исполнители ошибочно изменили геометрию абриса площади, вычертив вместо правильного полукружия асимметричную кривую линию (Рис. 1). Аналогичному искажению подверглись и остальные фрагменты высочайше утверждённого планировочного документа [5, с. 107–111]. Сопоставление оригинального чертежа (из РГИА) и рабочих копий (РГАДА) вынуждает признать непонимание копиистами классицистических принципов в проекте регулирования города, что обнажает глубокую проблему недостатка квалифицированных архитектурных кадров в Москве. Статистически это очевидно из соотношения количества лицензированных архитекторов в Париже и Москве: в 1800 г. во французской столице числилось более пятисот дипломированных архитекторов [13, р. 67], в то время как словари московских зодчих выявляют не более пятидесяти работников этой профессии с учётом архитектурских помощников и учеников.

Учитывая роль исполнителей на архитектурной сцене Москвы последней четверти XVIII в., необходимо указать на деятельность Николая Леграна (1738–1798), возглавлявшего Особый департамент Комиссии о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы, Каменный приказ и Архитектурную экспедицию московской Управы благочиния [3]. Кроме проектирования частных и общественных построек ему поручали «прожектирование и сочинение генеральных и частных городу Москве планов, также

²⁰ Историческое и топографическое описание первопрестольнаго града Москвы: С приобщением генеральнаго и частных ея планов. Изданием Т. Полежаева. — М.: Тип. Селивановскаго, 1796.

²¹ Аналогичную зону больших бульваров на месте разрушенных средневековых фортификационных строений можно видеть на проектном плане Парижа 1676 г., исполненном Н.-Ф. Блонделем (1618–1686) и его учеником П. Булле (1639–1716). Позднее эти приёмы были воспроизведены во многих французских и итальянских городах [14, р. 48–51].

²² Согласно путеводителю 1796 г. пространства у Никитских, Тверских и Арбатских ворот считались не площадями, а «торговыми местами, называемыми рынками». — Историческое описание... — С. 37.

всякого рода зданиям и площадям профилей, фасадов и смет...». В процессе украшения города с 1774 г. он исполнял «новые проекты благоустройства Москвы, которые были признаны лучшими среди представленных по этой теме» [7, с. 126]. Уроженец Парижа обучал архитектурному искусству учеников Школы Каменного приказа, Московского университета и других заведений. Его воспитанники становились губернскими архитекторами.

О градостроительном регулировании Н. Леграном Москвы наиболее ярко свидетельствуют подписанные им чертежи из фонда Управы благочиния, где архитектор работал в 1790-е гг. [4]. Стремление создать открытые пространства площадей правильной формы можно проследить на примере их проектирования на месте упразднённых ворот Земляного города. Первые круглые в плане «торговые места, называемые рынками: Калужская площадь, Конная площадь...»²³ располагались в третьей части Москвы. Для торговли лошадьми в 1791 г. по особому указу московского главнокомандующего А. А. Прозоровского был создан проект Конной площади за Серпуховскими воротами. На чертежах Н. Легрana в её прямоугольный внешний абрис «С» вписан круг диаметром свыше 250 м (120 саженей), по периметру которого предполагались галереи (Рис. 2). От площади по сторонам света расходятся поперечные проезды. Центр окружности отмечен деревянной галереей. Соседние земли на чертеже «по пунктирным линиям с жёлтой оттушовкою означают положенные кварталы для построения обывательских дворов»²⁴. В отличие от парижской площади Побед аналогичной круглой формы с установленной позднее в её центре конной статуей Людовика XIV, московский проект, ориентированный лишь на торговые функции, остался нереализованным [2].

Диаметр осуществлённой соседней Калужской площади превышал 50 саженей, уступая проектным габаритам Конной площади более чем в два раза. Согласно плану этой местности, составленному Н. Леграном в 1797 г., периметр круга был оформлен каменными лавками разных владельцев. В официальном разрешении на строительство архитектор указывал на необходимость возводить здания «на каменном фундаменте в одно жильё регулярною фасадою», а соседние строения, не соответствующие парадной архитектуре, «до починки не допускать»²⁵ (Рис. 3 а, б). Две караульные будки фланкировали Калужскую площадь со стороны бывшего Земляного вала. Поперечную ось составляли в северной части Казанская церковь, а в южной — каменная часовня, от которой расходились три улицы: Калужская, Средняя Донская и Шаболовка. Это трёхлучие, развиваясь со временем, исказило геометрию площади.

Вероятно, с учётом этого неудачного опыта соседняя Серпуховская площадь проектировалась в конце 1790-х гг. вытянутой овальной формы²⁶, благодаря которой развил-

²³ Историческое описание... — С. 32.

²⁴ ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 1297. Л. 6.

²⁵ ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 1495. Л. 2 об., 3.

²⁶ В 1786 г. при главнокомандующем Москвы Я. А. Брюсе был утверждён проект Серпуховской площади в форме вытянутого прямоугольника (15×80 саж.). Формальный подход, игнорировавший существующую застройку, оставил замысел нереализованным. В конце 1790-х гг. при графе И. П. Салтыкове был составлен новый план овальной формы (40×80 саж.) с учётом изгибов бывших бастионов, модернизированных в полукружия. Обстроенная торговыми и питейными зданиями в два этажа, эта площадь окончательно сформировалась в период первого десятилетия XIX в. Французские архи-

ки улиц с севера и юга не нарушали красоту и регулярность архитектурного замысла (Рис. 4). Строения, составляющие окружность новой площади, предлагалось строить по специальным опробованным чертежам. Примечательно, что даже после пожара 1812 г. Комиссия о строении Москвы отвергла предложение В. Гесте об увеличении размеров этой площади, заявив, что «столь обширная в том месте при весьма незначительном рынке, совсем не нужна, тем более что в близости её есть Калужская и Конная площади, существующая же Серпуховская, частью обстроенная по прожекту каменными зданиями <...> без увеличения достаточна» [1, с. 422]. Одобрив конфигурацию Калужской площади, шотландский архитектор оставлял её «по прожекту без всякой перемены». Комиссия подтвердила её «довольное пространство и удобность» [1, с. 422].

Рассмотренные примеры попыток регулирования площадей показывают, с какими сложностями в Москву проникали идеи градостроительного благоустройства. Большинство московских площадей оставались архитектурно не оформленными пространствами, назначение которых ограничивалось исключительно торговым использованием²⁷. Не удавалось изменить отношение к геометрии плана и парадному оформлению фасадов, вместо выдачи этих чертежей московские архитекторы требовали их от самих владельцев усадеб: «Оные строения должно строить по регулируемой красной линии <...> на каменных фундаментах регулярною фасадою которую проситель должен представить ко апробации в Управу благочиния»²⁸. Многочисленные черновые эскизы и неутверждённые планы из её делопроизводства раскрывают сложность поиска архитектурного языка в этих лабораториях. Кроме этого, материалы детально фиксируют криволинейные очертания перекрестков в местах ключевых транспортных развязок, где эстетические и архитектурные атрибуты площади так и не появились. Сценографию ряда таких ансамблей в XIX в. компенсировали установкой водозаборных фонтанов в центре площадей.

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что анализ исторических документов последней четверти XVIII в. позволяет, с одной стороны, проследить эволюцию облика Москвы, развитие культуры и комфорта городской жизни; с другой, оценить наиболее удачные и провальные мероприятия в области государственной градостроительной политики. Анализ такого опыта может содействовать более глубокому пониманию как исторической, так и современной архитектурной программы по благоустройству городского пространства. Научная новизна выявленных планов московских домовладений из фондов Архитектурной экспедиции Управы благочиния,

текторы часто обращались к аналогичным формам. Особую популярность приобрёл гравированный проектный план Тулузы 1752 г. с овальной площадью на перекрестке бульваров [11, р. 126].

²⁷ Московские издания 1790-х гг. классифицируют площади исключительно по торговым функциям. В Китай-городе «Вновь назначенная, по городской стене от Никольских до Варварских ворот, для мелочного торгу, площадь, которой и производится ежедневно». На площади Земляного города «привозят 1. Тверская, на оную уголья, дрова и сено. 2. Тверских ворот, дрова и сено. 3. На Самотеке, тож. 4. На Покровке у Земляного вала съестные припасы. 5. Таганская, дрова и лес». В предместьях несколько «торговых площадей, на которые привозятся. 1. Смоленская; на оной становятся с сеном, дровами, хрустальною и деревянною посудю. 2. Лесная с строевым разного рода лесом. 3. У красных ворот с сеном, дровами и угольями. 4. Ладожская с съестными припасами». — Историческое описание... — С. 19, 24, 27.

²⁸ ЦГА Москвы. Ф. 105. Оп. 9. Д. 915. Л. 9.

их графическая реконструкция раскрывает механизм работы С. Карина, Н. Леграна, А. Старова, В. Стасова и других зодчих. Включение в научный дискурс значительного пласта исторических документов, реально отражающих летопись возникновения первых регулярных площадей в древней российской столице, представляет безусловный архитектурный интерес в контексте идентификации отечественной градостроительной культуры. Характер проектных попыток, как осуществлённых, так и нереализованных, объясняет поэтапную подготовку города к осуществлению грандиозных перемен последующих столетий.

Литература

1. Архитектурные ансамбли Москвы XV — начала XX века. Принципы художественного единства / Под ред. Т. Ф. Саваренской. — М.: Стройиздат, 1997.— 472 с.
2. Дутлова Е. Ю., Никонов П. Н. Земля города Москвы в контексте отечественной и мировой истории. Очерки истории межевания, кадастрового учёта и градостроительства. — М.: Изд-во Главвархива Москвы, 2007.— 484 с.
3. Клименко Ю. Г. Николая Легран: французский зодчий в Москве // Пинакотекa. — 2002.— № 13–14. — С. 78–81.
4. Клименко Ю. Г. Н. Легран в Архитектурной экспедиции московской Управы благочиния // Градостроительное искусство: Новые материалы и исследования.— 2007. — Вып. 1. — С. 200–221.
5. Клименко Ю. Г. «Прожектированный» план Москвы 1775 года (к вопросу об атрибуции чертежей) // Архитектурное наследство.— 2012. — Вып. 56. — С. 102–112.
6. Клименко Ю. Г. Пространство города эпохи Просвещения в первом проектном плане Москвы 1775 года // Пространство и Время.— 2013.— № 4 (14). — С. 136–145.
7. Клименко Ю. Г. Площадь или перекрёсток? Вернакулярность в градостроительной политике классицистической Москвы // Проект Байкал.— 2019.— № 59. — С. 126–131.
8. Сытин П. В. История планировки и застройки Москвы. Материалы и исследования. Т. 2. — М.: Московский рабочий, 1954.— 624 с.
9. Швидковский Д. О. Архитектура русского классицизма в эпоху Екатерины Великой. — М.: Архитектура-С, 2016.— 256 с.
10. Gady A., Pérouse de Montclos J.-M. De l'Esprit des villes. Nancy et l'Europe urbaine au siècle des Lumières 1720–1770. — Nancy: Edition Artlys, 2005.— 400 p.
11. Harouel J.-L. L'Embellissement des villes. L'urbanisme français au XVIIIe siècle. — Paris: Picard, 1993.— 336 p.
12. Klimenko S. V., Klimenko J. G. The Role of French in the Formation of Professional Architectural Terminology in Eighteenth-Century Russia // French and Russian in Imperial Russia. Vol. 1. — Edinburgh: University Press, 2015. — P. 209–228.
13. Paris. Guide du patrimoine / Sous la dir. J.-M. Pérouse de Montclos. — Paris: Hachette, 1994.— 768 p.
14. Pinon P., Le Boudec B. Les plans de Paris. Histoire d'une capitale. — Paris; New York Editions, 2004.— 136 p.
15. Shvidkovsky D.; Klimenko J. External Links of Russian Architecture during the Enlightenment // Gravures d'architecture et d'ornement au début de l'époque moderne: processus de migration en Europe. — Roma, Campisano Editore, 2014. — P. 327–342.

Название статьи. Образ регулярной площади в архитектуре московского классицизма: между проектом и реальностью

Сведения об авторе. Клименко Юлия Гавриилловна — кандидат архитектуры, профессор. Московский архитектурный институт (Государственная академия) (МАРХИ), ул. Рождественка, д. 11/4, корп. 1, стр. 4, Москва, Российская Федерация, 107031. y-klim@yandex.ru

Аннотация. Первый проектный план Москвы совсем скоро отметит 250-летний юбилей. Выполненный с целью скорейшего благоустройства исторического города, он был утверждён Екатериной II в 1775 г. Проект содержал приёмы, отражающие знание его авторами лучших достижений западноевропейского искусства в области градостроительства. Впрочем, далеко не все намеченные в доку-

менте прогрессивные замыслы по регулированию живописного пространства удалось осуществить полностью. Статья посвящена изучению истории реализации генплана и попыток создания в средневековом городе первых геометрически правильных площадей, соответствующих классицистическим принципам западноевропейского градостроительства. Работа восполняет существенную лауну в исследовании градостроительной политики Екатерины Великой и вводит в научный дискурс значительный пласт вновь выявленных чертежей из фондов московской Управы благочиния. Анализ этих документов позволяет точнее определить эволюцию архитектурного языка, механизм делопроизводства и квалификацию исполнителей в классицистической Москве. Наряду с конкретными вопросами, касающимися атрибуции проектного плана, в статье затрагивается широкий круг проблем, связанных с русско-французскими контактами в области градостроительного искусства. Особое внимание уделяется анализу терминологии и сравнению толкования термина «площадь» в разных архитектурных школах эпохи Просвещения. Верная трактовка нереализованных проектных замыслов, лежащих в основе исторических планов «столичного города» эпохи классицизма, позволяет объяснить логику последующих урбанистических реформ. Эти и другие указанные положения обуславливают значение и актуальность данной темы как для историко-архитектурного понимания эволюции градостроительных принципов классицизма, так и в контексте современных проблем по реконструкции городского пространства Москвы.

Ключевые слова: архитектурные увражи, атрибуция, эпоха Просвещения, Ж.-Г. Легран, Н. Легран, принципы французского неоклассицизма, благоустройство, площадь, перекрёсток

Title. The Image of a Regular Square in the Architecture of Moscow Classicism: Between the Project and Reality

Author. Klimenko, Julia Gavriilovna — Ph. D. in architecture, professor. Moscow Institute of Architecture (State Academy) (MARCHI), Ul. Rozhdestvenka, 11/4-1-4, 107031 Moscow, Russian Federation. y-klim@yandex.ru

Abstract. The first architectural plan of Moscow will soon celebrate its 250th anniversary. The plan designed in order to improve this historical city as soon as possible was approved by Ekaterina II in 1775. The techniques used in this project reflected authors' insight into best achievements of Western European architects and creators in the field of town planning. However, not all advanced ideas projected in this document were implemented completely. This paper investigates history of implementation of the master plan and attempts to create first geometrically regular squares in the medieval town, which would match the Classic principles of Western European town planning. The paper fills the considerable gap existing in knowledge of the town planning policy of Ekaterina the Great and seeks to introduce a stratum of drawings newly found in stocks of the Moscow Deanery Board into the scientific discourse. Analysis of these documents provides for more accurate assessment of the evolution of architectural language, the mechanism of record keeping, and the level of proficiency of contractors in Classic Moscow. Along with specific questions concerning attribution of the architectural plan, this paper involves a wide quarter of problems related to Russian-French town planning contracts. An emphasis is placed on analysis of architectural terms, and comparison of interpretations of the term "square" by different Renaissance architecture schools. The significance of correct interpretation of unimplemented architectural ideas underpinning historical plans of a classic "Capital City" helps us to explain logistics of subsequent urban reforms. These and other abovementioned provisions explain the significance and topicality of this problem both for understanding the evolution of town planning principles of Classicism and in the context of current issues in reconstruction of Moscow urban space.

Keywords: architectural treatises, attribution, Enlightenment, J.-G. Legrand, N. Legrand, principles of French Neoclassicism, urban beautification, square, crossing

References

Durand J.-N.L. *Précis des leçons d'architecture données à l'École polytechnique*. Paris, l'Auteur et Bernard Publ., 1805. 104 p. (in French).

Dutlova E. Yu.; Nikonov P.N. *Zemlia goroda Moskvy v kontekste Otechestvennoi i mirovoi istorii. Ocherki istorii mezhevaniia, kadastravogo ucheta i gradostroitel'stva (The Land of Moscow in the Context of the Patriotic and World History. Essays on the History of Land Surveying, Cadastral Registration and Urban Planning)*. Moscow, Glavarchive Publ., 2007. 484 p. (in Russian).

Gady A.; Pérouse de Montclos J.-M. *De l'Esprit des villes. Nancy et l'Europe urbaine au siècle des Lumières 1720–1770. Catalogue*. Nancy, Artlys Publ., 2005. 400 p. (in French).

- Gastelier D.-F. *Dictionnaire etymologique des termes d'architecture*. Paris, Chez Duchesne Publ., 1753. 280 p. (in French).
- Gulyanitsky N. F. (ed.). *Russkoe gradostroitel'noe iskusstvo: Moskva i slozhivshiesia russkie goroda (Russian Art of Urban Planning: Moscow and the Established Russian Cities)*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1998. 440 p. (in Russian).
- Harouel J.-L. *L'Embellissement des villes: l'urbanisme français au XVIIIe siècle*. Paris, Picard Publ., 1993. 336 p. (in French).
- Klimenko J. G. Creativity of the Architect Nicolas Legrand. *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2001, vol. 44, pp. 147–160 (in Russian).
- Klimenko J. G. Nicolas Legrand: un architecte français à Moscou. *Pinakothek*, 2002, vol. 13–14, pp. 78–81 (in French).
- Klimenko J. G. N. Legrand at the Architectural Expedition of the Moscow Council of Prosperity. *Gradostroitel'noe iskusstvo: Novye materialy (Urban Art: New Materials and Research)*, 2007, pp. 200–221 (in Russian).
- Klimenko J. G. “Projected” Plan of Moscow in 1775 (to the Question of the Attribution of Drawings). *Arkhitekturnoe nasledstvo (Architectural Heritage)*, 2012, vol. 56, pp. 102–112 (in Russian).
- Klimenko J. G. The Space of the City of the Enlightenment in the First Project Plan of Moscow in 1775. *Prostranstvo i Vremia (Space and Time)*, 2013, vol. 4 (14), pp. 136–145 (in Russian).
- Klimenko J. G. *Architects of Moscow. Igor' Grabar'*. Moscow, Progress-Traditsia Publ., 2015. 376 p. (in Russian).
- Klimenko J. G. A Square or a Crossroads? The Vernacular in Urban Policy of Moscow Classicism. *Proekt Baikal (Project Baikal)*, 2019, vol. 59, pp. 126–131 (in Russian).
- Klimenko S.; Klimenko J. The Role of French in the Formation of Professional Architectural Terminology in Eighteenth-Century Russia. *French and Russian in Imperial Russia, vol. 1*. Edinburgh, University Press Publ., 2015, pp. 209–228.
- Medvedkova O. Avant la Russie: Vallin de la Mothe et le concours pour la place Louis XV. *Pinakothek*, 2002, vol. 13–14, pp. 64–80 (in French).
- Mézin A.; Rjéoutski V. (eds.). *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Dictionnaire des Français, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand à Paul Ier, 2 vols*. Paris, Ferney-Voltaire Publ., 2011. 528+840 p. (in French).
- Navone N.; Tedeschi L. (eds.). *Dal mito al progetto. La cultura architettonica dei maestri italiani e ticinesi nella Russia neoclassica, 2 vols*. Mendrisio, Accademia di architettura Mendrisio Publ., 2003. 916 p. (in Italian).
- Nègre V. *L'art et matière. Les artisans, les architectes et la technique (1700–1830)*. Paris, Classiques Garnier Publ., 2016. 324 p. (in French).
- Pérouse de Montclos J.-M. *Architecture. Méthode et vocabulaire*. Paris, Patrimoine Publ., 2011. 672 p. (in French).
- Pérouse de Montclos J.-M.; Shvidkovsky D. O. (eds.). *Moscou. Patrimoine architectural*. Paris, Flammarion Publ., 1997. 496 p. (in French).
- Pinon P.; Le Boudec B. *Les plans de Paris. Histoire d'une capitale*. Paris, Bnf — Bibliothèque Publ., 2004. 136 p. (in French).
- Rjéoutski V. La communauté francophone de Moscou sous le règne de Catherine II. *Revue des études Slaves*, 1996, no. 68(4), pp. 445–461 (in French).
- Rustenholz A. *Paris, la ville rêvée de Voltare*. Paris, Parigramme Publ., 2007. 178 p. (in French).
- Savarenskaya T. F. (ed.). *Arkhitekturnye ansambli Moskvyy XV — nachala XX vekov. Printsipy khudozhestvennogo edinstva (Architectural Ensembles of Moscow from the 15th to 20th Centuries. Principles of Artistic Unity)*. Moscow, Stroyizdat Publ., 1997. 472 p. (in Russian).
- Shvidkovsky D.; Klimenko J. External Links of Russian Architecture during the Enlightenment. *Gravures d'architecture et d'ornement au début de l'époque moderne: processus de migration en Europe*. Rome, Campisano Publ., 2014, pp. 327–342.
- Shvidkovsky D. O. *Arhitektura russkogo klassitsizma v epokhu Ekateriny Velikoi (The Architecture of Russian Classicism in the Epoch of Catherine the Great)*. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2016. 256 p. (in Russian).
- Sytn P. V. *Istoriia planirovki i zastroiki Moskvyy. Materialy i issledovaniia (The History of the Planning and Development of Moscow. Materials and Research)*, vol. 2. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1954. 624 p. (in Russian).
- Tedeschi L.; Rabreau D. (eds.). *L'architecture de l'Empire entre France et Italie*. Mendrisio, Accademia di architettura Mendrisio Publ., 2012. 528 p. (in French).
- Zolotnitskaya Z. V. (ed.). *Matvei Kazakov i dopozharnaia Moskva (Matvey Kazakov and Pre-Fire Moscow)*. Moscow, Kuchkovo Pole Publ., 2019. 336 p. (in Russian).